

УДК 94(47)

П.А. СТОЛЫПИН – РУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ (О ЗНАЧЕНИИ ДУХА НАРОДНОСТИ В ПОЛИТИКЕ)

© 2021 В.Н. Шульгин

Калининградское отделение Академии геополитических проблем

Статья поступила в редакцию 7.10.2021

Автор оспаривает ошибочные, по его мнению, оценки П.А. Столыпина, основывающиеся на порочной методологии «классового подхода». Предлагается традиционное для русской мысли воззрение, считающее миссию реформатора комплексной, устремленной к общенациональному «возрождению», в котором аграрная реформа была лишь одним из средств необходимого «возрождения». П.А. Столыпин вполне по-пушкински знал, что Империя нуждается в исправлении прозападного «петербургского» крена законной верховной власти, но не в ее революционном уничтожении.

Ключевые слова: русское возрождение, соборность, охранительство, традиционализм, земщина, общенациональная политика, законность верховной христианской власти.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-4-15-22

Общеизвестен важный методологический совет А.С. Пушкина: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие»¹. Подобное поэт-мыслитель изрекал не один раз, подчеркивая эвристическое значение любви к собственному отечеству и его героям. Имея в виду общефилософский смысл данной мысли, поэт однажды подчеркнул, что лишь «одна любовь дает нам полное разумение»². Подразумевалась необходимость должного воздаяния подлинным героям отечественной истории и их национальному служению на различных поприщах, от политического до литературного. В противном случае историк обречен на ложные оценки.

В другом месте А.С. Пушкин уточнил, пеняя стесняющимся почитать достойных отечественных деятелей: «Уважение к именам, освященным славою, не есть подлость (как осмелился кто-то напечатать), но первый признак ума просвещенного. Позорить

их дозволяется токмо ветренному невежеству...»³. Неустройства России в прошлом проистекали во многом именно от потери нашим интеллигентским сообществом, из которого рекрутировались государственные деятели, душевных качеств очерченной *сочувственной отзывчивости*, столь ценимых национальным поэтом. Итогом были подлинные умственные смуты, препятствующие возрождению России в ее истинных формах.

Это состояние до сих пор не изжито и как некий дурман влияет на сознание даже искренних патриотов. Чего пенять на *клевветников России*, когда даже некоторые ее верные сыны иногда грешат неуважением славных исторических имен. У иного православного журналиста читаем о вредоносности «масона» и «западника» Н.М. Карамзина. У другого – об «ошибках» митрополита Антония (Храповицкого) из церковного Зарубежья за его спор с подъяремным митрополитом Сергием (Страгородским) в 1920–1930-е гг. Этот же круг авторов пишет об «измене» А.И. Солженицына, который будто бы чуть ли не единолично «развалил» СССР. В каждом из этих случаев преувеличивается значение отдельных поступков и

Шульгин Владимир Николаевич, доктор исторических наук, сотрудник Академии геополитических проблем, действительный член Калининградского отделения.

E-mail: shulgin_vladimir@mail.ru

мыслей больших исторических деятелей в отрыве от полноты их свершений, которые не могут быть перечеркнуты отдельными частностями и даже ошибками.

Не повезло и Петру Аркадьевичу Столыпину, столетие убийства которого пришлось на 2011 год. С тех пор споры посреди нашей общественности не утихают. Каких только обвинений в его адрес не раздаются! Печальнее всего, что в ряду, надеюсь, невольных хулителей этого последнего реформатора Империи мы встречаем имена настоящих ученых.

Так, «левый» С.Г. Кара-Мурза нарек Столыпина «отцом русской революции», хотя сам так полюбил победный революционный процесс, что назвал его «спасением корня России»⁴. И не заметил, что впал в противоречие. Ведь если считать Столыпина «отцом» столь любезной автору революции, то отчего же его не полюбить? Очевидно, здесь проявляется стремление, может быть, неосознанное, соединить несовместимое: православно-русский дух соборности и «впитанный с молоком матери» революционный настрой большевизма, того большевизма, который воспользовался общинным духом крестьянства для своих целей, а затем «отплатил» тотальным, никогда не виданным прежде закрепощением деревни.

Очевидно, мы здесь видим нравственно ущербную попытку реабилитации практического марксизма при искренней попытке сохранить русский лик. Аналогичным образом другой большой историк, И.Я. Фроянов (1936 – 2020), знаток Древней Руси, в интервью порталу «Русской народной линии» противопоставил «великана Сталина и пигмея Столыпина». Довод у мэтра один: «либерал» Столыпин выступлением против крестьянской общины «больше навредил России». Реформатор якобы довел крестьянство «до кипения» и «подготовил то, что произошло в 1917 г.». На этом основании историк выступил против предложения воздвигнуть памятник Столыпину⁵.

Признаем, что степень честности отдельных представителей российского по-

литического класса, ратующих за увековечение памяти Столыпина, действительно может обсуждаться. Однако эта дискуссия не должна бросать тень на образ выдающегося политика, жертвенно служившего России, ведомой законной верховной властью. Совсем другой вопрос, что Петербургская Империя исказила самобытные начала русской жизни, а затем мучительно боролась с рожденной ею самой социально-культурной «асимметрией»⁶.

Названным критикам реформатора мы вправе предъявить встречный иск, спрашивая их: «Почему вы одновременно вменяете Столыпину вину за Революцию и в то же время превозносите запрограммированные ею “советские” итоги, завершившиеся крахом 1991 года?». Это вопрошание, выявляющее внутренний разноречивый в думам процитированных авторов, тем более уместно, что В.И. Ленин, вождь радикалов, однозначно связывал фигуру Столыпина с контрреволюцией. Он ужасался «победе» реформатора, выразившейся в появлении социал-реформизма, «ликвидаторства», казалось, снимавшего с повестки дня курс на революционную ломку царского строя⁷. После подавления Столыпиным Революции 1905 года Ленин, скрывшийся в эмиграции, иногда подумывал перенести центр подготовки «земшарного» коммунистического переворота в США (Троцкий там и оказался в 1916 г.).

О цивилизованном охранительстве Столыпина говорили и представители других флангов радикализма, которые, правда, любили и саму Россию, а не только «Освободительное движение». Так, В.А. Маклаков критиковал однопартийцев, прежде всего П.Н. Милюкова, за соучастие в ликвидации «традиционной власти» в феврале 1917 года. Дело Столыпина, по его словам, было незаменимо, поскольку укрепляло «историческую власть», которая только и могла противостоять революционному хаосу. Трагедией обернулось кадетское «вышучивание» этой здравой мысли. Столыпин, по Маклакову, понял необходимость синтеза законной власти со свободной земщиной

(земским самоуправлением), что и выдвинуло его при блестящих талантах на самый верх государства. Кадет полагал, что «Россия могла войну выиграть и что революция не была неизбежной», «будь Столыпин вместо Горемыкина, Штюмера и пр.»⁸. Ценность подобного рода выводов становится еще более ясной, если учесть, что прежде В.А. Маклаков был политическим противником реформатора и полемизировал с ним.

Впрочем, не только радикалы разных типов, как действующие политики, *опытно знали* о контрреволюционности Столыпина. Ведали это и лучшие представители русской политики и мысли, давно предрекавшие ужасы гражданской войны, которой была чревата «освободительная» противцарская эйфория. Так, после революционного перелома известный госдеятель С.Е. Крыжановский подчеркивал, что социально-культурная база земщины – опора Столыпина – Советской Россией уничтожена. Он писал: «Главное надолго утеряно, а именно наличие целого культурного и ответственного слоя прежних дворян-землевладельцев, в занятиях земскими делами преследовавших «не классовые или материальные, а чисто идейные интересы общего блага и обладавшие умственной и общественной подготовкой, необходимой для заведования местным хозяйством в уездном и губернском масштабе»⁹. С.Е. Крыжановский понимал, что Столыпин опирался на естественным образом развивавшийся российский земский строй деревни, по определению – контрреволюционный.

Гениальный свободный консерватор В.В. Розанов, проводник традиции Пушкина, Тютчева, Достоевского, славянофилов и почвенников, так сказал о «народном» курсе реформатора после его гибели: «П.А. Столыпин крупными буквами начертал на своем знамени слова “национальная политика”. И принял мучение за это знамя». В нем ценили «...не программу, а человека... вставшего на защиту, в сущности, Руси». «Дела его правления никогда не были партийными... классовыми или сословными...

вот этот “средний ход” поднял против него грызню партий, их жестокость; но она... была бессильна, ибо *все-то* чувствовали, что злоба кипит единственно оттого, что он не жертвует *Россиею – партиям*»¹⁰.

Аналогично Розанову о Столыпине отзывались П.Б. Струве, И.А. Ильин, С.Н. Булгаков и другие представители мыслящей национальной России! Так, бывший *народоволец* Тихомиров писал в своем дневнике уже незадолго до предчувствовавшейся им революции: «Загубила... эта никуда не годная “интеллигенция”, ничего не знающая, кроме “прав человека и гражданина”, да жалованья на партийной, общественной и казенной службе <...> *Завёлся “раз в жизни” человек, способный объединить и сплотить нацию... и того убили!*». Уникальность Столыпина была в том, что «это был ум с характером гениальности»¹¹.

Высокие оценки деятельности русского реформатора характерны для целого ряда видных западных историков. Так, немец Д. Гайер, учитывая истинные успехи Столыпина в деле комплексной модернизации России, подчеркивал, что Запад в начале 1910-х гг. взирал на Россию «как на многообещающего гиганта, шедшего в будущее семимильными шагами <...> В Германии и Австрии сторонники превентивной войны укреплялись в своей мысли, видя накопление Россией огромной силы, превращение ее во внушающую страх нацию. Подобная озабоченность царила и в других местах: в Англии, Франции, даже в США влиятельные лица предвидели для Императорской России великую будущность и важную международную роль. И они не взирали на эту перспективу с безотчетной радостью»¹². Подобные справедливые оценки роли П.А. Столыпина в реформировании дореволюционной России на подлинно «ученом» Западе преобладают¹³.

Во всех высказываниях всего круга первостепенных отечественных и даже западных мыслителей и историков нет зауженного идеологического «классового» подхода, рождённого В.И. Лениным, предложившим

рассматривать П.А. Столыпина преимущественно как аграрного помещика-реформатора. Из этих идейных оков до сих пор не могут вырваться многие современные критики Столыпина. Хотя подлинно общенациональные умы России давно поняли, что миссия Столыпина была общенациональной, а не узко-классовой, в чем его до сих пор часто обвиняют¹⁴.

Таким образом, еще до Революции 1917 г. деятели передовой культуры стали говорить о Столыпине как о выдающемся политике-практике, стремившемся разрешить проблему модернизации России без ущерба перспективам ее *самостояния*, главным залогом которого является законная власть. Так ставили вопрос еще Карамзин в «Записке о Древней и Новой России» и Пушкин в «Борисе Годунове». Беда нашей политической и общественной элиты, царской, интеллигентской, советской, в том, что она не желала слышать своих мудрецов. Эта отрицательная традиция унаследована и постсоветской элитой, что может обернуться новыми потрясениями. Ради ложного плюрализма определённые наши круги «либерального» пошиба склонны были даже внимать русофобу З. Бжезинскому, зачем-то приглашенному на Ярославский форум 2011 года!

Итак, многое свидетельствует, что Россия еще не вышла из революционного исторического цикла, заквашенного либерально-радикальными идеологами. До сих пор наша интеллигенция, как буриданов осел, разрывается между либеральными «правами человека» и марксовской «общественной собственностью». При этом саму Россию с ее славой и величием иные все норовят превратить в некую служебную функцию для реализации своих ложных «идеалов», в которых идея смешивается с идеологией – набором отвлеченных утверждений, рожденных умом обмирщенного европейца, а затем некритически воспринятых русскими адептами. У нас есть великая земля, а мы до недавнего времени были склонны распылять богатство по миру, скупая спортивные

клубы и недвижимость на Западе. П.А. Столыпин же руководствовался любовью к своему отечеству, выполняя завет Достоевского, призвавшего покончить с петербургским «чужебесим».

Цитируя Священное Писание, Столыпин призывал II Государственную Думу ценить законность верховной власти, скрепляющей великое государство, правомерность ее граждански-свободных инициатив: «Остановитесь, господа, на том соображении, что *государство есть один целый организм* и что если между частями организма, частями государства начнется борьба, то государство неминуемо погибнет и превратится в “царство, разделившееся на ся”». Столыпин, как типичный свободный консерватор-самобытник, стремившийся к развитию гражданской свободы, выступал против механического конструирования «неизвестной государственности», призывая опереться на нравственный «капитал» Царства. Поэтому он был против радикальной ломки дворянского землевладения, и так непрерывно сокращавшегося естественным путем. Он понимал, что революционный удар по помещикам устранил из деревни наиболее культурный элемент, что пресечет развитие земского самоуправления. Столыпин призывал Думу: «Господа, нельзя укреплять большое тело, питая его вырезанными из него самого кусками мяса; надо дать толчок организму, создать прилив питательных соков к больному месту, и тогда организм осилит болезнь; в этом должно, несомненно, участвовать все государство <...>. В этом *смысл государственности... как одного социального целого*»¹⁵.

Главным для Столыпина было сохранение на Руси Христианской государственности как общей традиционной державной рамки, в которой всегда жила православная Россия. Сами аграрные преобразования были для него важным «социальным» средством, направленным на осуществление высшей цели – укрепление спасительного нравственного единства великой страны. Ключевым моментом для уяснения этого

кредо Столыпина является его первая программная речь во второй Думе. Он осветил «руководящую идею» правительства страны, «находящейся в периоде перестройки»¹⁶. Сказав о том, что Россия должна стать правовым государством и, в частности, добиться окончательного торжества гражданской свободы в деревне, Столыпин дал ясно понять, что частные проявления этого курса нельзя путать с его общей основой. Главная цель реформ не сводится к аграрному переустройству.

Столыпин сказал: «Государство... не может отойти от заветов истории, напоминающей нам, что во все времена русский народ одушевлялся именем Православия, с которым неразрывно связаны слава и могущество родной земли». Премьер подчеркивал, что Россия не должна изменять этому духовному устою: «...многовековая связь русского государства с христианской церковью обязывает его положить в основу всех законов о свободе совести *начала государства христианского*, в котором Православная Церковь, как господствующая, пользуется данью особого уважения и особою со стороны государства охраною». Столыпин подчеркнул, что возрождение «великой нашей родины» возможно только при условии, когда Государственная Дума принимает сложившуюся государственность и «чисто русское» правительство, «сознающее свой долг хранить исторические заветы России»¹⁷.

Столыпин имел за спиной исторический опыт Империи, умевшей отвечать на вызовы истории. Отсюда его твердость и уверенность в правоте. Заканчивая свое знаменитое выступление 10 мая 1907 г. во II Думе, Столыпин подчеркнул именно это: «Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, *путь освобождения от исторического прошлого России*, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия!»¹⁸. Столыпинский курс подавления революции и обеспечения свободной связи народа с землей-кормилицей, одобренный

царем, привел к ликвидации тогдашнего государственного бессилия. В народе укрепилась вера в законную власть и ее силу, а это всегда залог успешного развития. Главная ценность для Столыпина – это историческая Россия, поэтому никакие юридические и социальные доктрины, стремящиеся к ее слову, не могут, по его верному мнению, считаться истинными. Никакой «тонкий» юридизм не должен становиться хитроумным орудием разрушения – вот основной смысл знаменитых слов Председателя правительства: «Бывают, господа, роковые моменты в жизни государства, когда государственная необходимость стоит выше права и когда надлежит выбирать между целостью теорий и целостью отечества»¹⁹.

Это было честно заявленное стремление «противопоставить силу» Исторического Государства революционному течению, духовно порочному (атеистическому в основе). Столыпин оперся на естественное народное чувство сверхправого характера Царства, созданного *Божественным соизволением*, как отмечал суть дела еще Иоанн Грозный. Убежденность Столыпина в своей правоте опиралась, по сути, и на теоретические достижения государственно-правовой науки, как русской, так и западной, в частности, на «государственничество» Б.Н. Чичерина и немецкого правоведа Р. Иеринга. Последние обоснованно считали, что законная верховная государственная власть не просто имеет право, а обязана в кризисных ситуациях действовать решительно, не ограничивая себя рамками «бумажных» правовых норм. Как писал Р. Иеринг, Государственная власть в случае угрозы своему существованию «не только уполномочена, но и обязана пожертвовать [писаным] правом и спасти общество <...> Это так называемые чрезвычайные меры...»²⁰.

Даже славянофилы, столь печаловавшиеся за общественную свободу, были убеждены в правде полной царской власти. Иван Аксаков заметил: «Русский народ, образуя русское государство, признал за последним, в лице царя... неограниченную свободу го-

сударственной власти как «залог внутреннего мира»²¹. Позднее Розанов еще сильнее сказал о нормативности государственной силы. В «Опавших листьях» он писал: «Государство есть сила. Это его главное. Поэтому единственная порочность государства – это его слабость»²².

Сказанное свидетельствует, что курс Столыпина опирался на народную веру в сверхправовые полномочия законного Христианского царства. Кстати говоря, этого духа народности нам сегодня как раз более всего и недостает. Не случайно современный большой русский писатель и драматург Ю.М. Поляков вполне традиционно в духе великих предшественников назвал данную проблему «государственной недостаточностью»²³. Поэтому мы и сегодня ждем воплощения в жизни политических идей отечественной классики и воплотителя её идей – П.А. Столыпина. И положительно воспринимаем поиски верховной власти в направлении рецепции *русской идеи*.

Подведем итоги. Современные патристические, равно как и западническо-либеральные нападки²⁴ на Столыпина являются недоразумением, отражением того, что духовно ущербная либеральная и марксистская историческая методология, к сожалению, еще не канула в лету. Именно эти способы исторического видения выставляют на первое место «объективные причины» исторического процесса и суживают деятельность Столыпина до рамок лишь «аграрной политики». Столь «зашоренный» взгляд, искажающий общенациональный облик реформатора, является частным проявлением ошибочных воззрений на природу Революции. До сих пор с подачи марксистских или либеральных идеологов революционность воспринимается как следствие то ли социально-экономических, то ли политических «противоречий». Между тем русская революция явилась воплощением в жизнь *безбожного вероучения* пассионарной интеллигентской элиты, рвавшейся сесть на законное царское место. «Воля к власти» новых групп людей – это самостоятельный

фактор политики, о котором хорошо знали Макиавелли, Достоевский и Столыпин, но о котором до сих пор не ведают многие журналисты и ученые.

И последнее. По сути, бесчестно противопоставлять великих государственных мужей, какими являлись Столыпин и Сталин. Здесь даже не столько логическая ошибка постановки на одну доску первого министра, призванного к службе законной верховной властью, и полномочного «красного» императора (пусть столь же незаконного с исторически-правовой точки зрения, как и Наполеон). Это ошибка нравственная и национальная. По сути, затушевывается как раз единство служения этих двух великанов из разных, хотя и близких по времени эпох. В лучший свой период И.В. Сталин поднялся до сознания не классового, а общенационального, определенно русского характера своей миссии²⁵, что было всегда характерно и для П.А. Столыпина.

Сравним два высказывания этих людей, сами имена которых «сильные» и ассоциируются со *столпом* и *сталью*. Нам бы задуматься об их синтезе, дабы наш российский столп не прогнул, а «державная сталь» не отрывалась от традиций. Столыпин, выступая в 1911 г. в III Думе о законе, гарантировавшем русские национальные интересы при введении земства в западных губерниях, заявил: «В этом законе проводится принцип не утеснения, не угнетения нерусских народностей, а *охранения прав коренного русского населения, которому государство изменить не может, потому что оно никогда не изменяло государству и...* всегда стояло на западной нашей границе на страже русских государственных начал». Такое видение приоритетов, которые «не утесняют» малые народы Империи, но гарантируют общее развитие России, Столыпин назвал «основой русской политики» и «предметом нашей веры»²⁶.

Сталин также говорил о русских основах отечественной государственности в ключевом году Отечественной истории XX века. В 1945 году на летнем приеме в Кремле в

честь командующих войсками Красной Армии он заявил: «Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он заслужил в этой войне общее признание, как руководящей силы Советского Союза <...> но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение. У нашего правительства было не мало ошибок <...> Иной народ мог бы сказать Правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего Правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу...»²⁷.

П.А. Столыпин обоснованно считал, что российская политика только тогда успешна и победна, когда она народна, то есть в основе – русская. Это доказали герои истории, о которых только что шла речь. Бесспорно, у них можно и нужно отыскивать ошибки, чтобы их не повторять. П.А. Столыпин, лично религиозный человек, очевидно, недооценивал всю глубину духовного падения царской России, которая и в лице правящих слоев, да и в рядах простого люда в массе своей отвернулась от Бога и «изменила вере»²⁸. Отсюда проистекало недостаточное внимание премьера к нуждам господствующей Церкви и проблеме возрождения Патриаршества. Исключенный семинарист И.В. Сталин, как одно из мощных воплощенных личных подтверждений этой измены сумел тем не менее, многие из ошибок прежних господствующих классов преодолеть именно в духе народности. Он, например, не болел сребролюбием и подражательным чужебием петербургского чекана, а также, как Столыпин, все свои надежды связывал с Россией, пусть советской. Это лучшее у наших великих государственных мужей прошлого и должно нами наследоваться во имя будущего великой страны.

Критическое рассмотрение заявленной в этой статье научно-исторической проблемы заставляет прекращать «разрубать» единое тело родной отечественной истории, противопоставляя один ее период, дореволюционный, другому – советскому. Гораздо честнее, патриотичнее и конструктивнее видеть их преемственность, наличие общих «системных» проблем и достижений. Только так можно будет извлечь уроки и не повторять ошибок «петербургского периода» XIX века, перекочевавших в советский «ново-московский период»²⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Пушкин А.С. Отрывки из писем, мысли и замечания // Он же. Полн. собр. соч. в 10 томах. Т. 7. М.: Наука, 1964. С.58.
- ² Пушкин А.С. Денница // Там же. С. 112.
- ³ Пушкин А.С. «История русского народа»; сочинение Николая Полевого // Там же. С. 133.
- ⁴ Кара-Мурза С.Г. Столыпин – отец русской революции. М., 2002. С. 244.
- ⁵ http://ruskline.ru/news_rl/2011/07/14/velikan_stalin_i_pigmej_stolypin/ (курсив мой. – В.Ш.).
- ⁶ Этой проблеме уделил большое внимание А.И. Солженицын, а вслед за ним и питерская историческая школа (акад. Б.В. Ананьич, д.и.н. Б.Н. Миронов и другие историки). См., напр.: Солженицын А.И. Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни // Из-под глыб. Сборник статей (1974 г.).– М.: Русская книга, 1992. С. 98-101.
- ⁷ Ленин В.И. 1) О положении дел в партии (1910) // Он же. Полн. собр. соч., издание 5-е. Т. 20. М.: Политиздат, 1973. С. 51; 2) «Сожаление» и «стыд» (1911) // Там же. С. 246-247; 3) Резолюция II парижской группы РСДРП... (1911) // Там же. С. 287; 4) Реформизм в русской социал-демократии (1911) // Там же. С. 316-317, и др.
- ⁸ «Совершенно лично и доверительно!»: Б.А. Бахметев – В.А. Маклаков. Переписка. 1919 – 1951. Т. 3 (1923 – 1951). М., 2002. С. 366-367, 438-439, 440, 441.
- ⁹ Крыжановский С.Е. О характере государственного строя России // Вопросы истории. 2008. № 4. С. 22.
- ¹⁰ Розанов В.В. Террор против русского национализма: Статьи и очерки 1911 г. М., 2005. С. 219, 273, 274-275 (курсив автора).
- ¹¹ Тихомиров Л.А. Дневник Л.А. Тихомирова. 1915 – 1917 гг. М., 2008. С. 332, 134 (курсив мой. – В.Ш.).

- ¹² Gyer D. Russian imperialism: the interpretation of domestic and foreign policy (1860 – 1914). – Lemington Spa, etc., 1987. P. 264 (перевод мой – В.Ш.).
- ¹³ Шульгин В.Н. П.А. Столыпин в оценках западных историков // Проблемы источниковедения и историографии: Сборник научных трудов. Калининград: КГУ, 1999. С. 88-95. *Примечание.* Эта статья выложена в сети Интернет, в частности, в библиотеке «Гумер»: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/Shul_StolOcen.php ; есть и на других порталах. См., напр.: <https://velikoross.org/ukrainstvuyushhie-i-my/shulgin-v-n-stolypin-p-a-v-ocenках-zapadnyh-istorikov>
- ¹⁴ Подробнее об этом см.: Шульгин В.Н. Хранитель: традиция консервативного самобытничества в думских речах Петра Столыпина // Родина. 2009. № 1. С. 74 - 76. – (Реформы и реформаторы).
- ¹⁵ Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия: Полн. собр. речей в Государственной Думе и Государственном Совете. 1906 – 1911 гг. М., 1991. С. 94-95 (курсив мой. – В.Ш.).
- ¹⁶ Там же. С. 50-52.
- ¹⁷ Там же. С. 53, 62 (курсив мой. – В.Ш.).
- ¹⁸ Там же. С. 96 (выделено мною. – В.Ш.).
- ¹⁹ Там же. С. 74-75.
- ²⁰ Иеринг Р. Цель в праве (1877) // История политических и правовых учений. Хрестоматия для юридических вузов и факультетов. Харьков: Факт, 1999. С. 538.
- ²¹ Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 462-463.
- ²² Розанов В.В. Сумерки просвещения. М., 1990. С. 488.
- ²³ Ю.М. Поляков, главный редактор «Литературной газеты».
- ²⁴ Этот лагерь российской общественности клеймит Столыпина за русский национализм.
- ²⁵ Сталин И.В. Выступление на приеме в честь командующих войсками Красной Армии // Он же. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд-е 5-е. М.: Военн. изд-во Министерства вооруж. сил СССР, 1949. С. 196-197.
- ²⁶ Столыпин П.А. Указ. соч. С. 362-363 (выделено мною. – В.Ш.).
- ²⁷ Сталин И.В. Указ. соч. С. 196-197 (курсив мой. – В.Ш.).
- ²⁸ См., напр.: Тихомиров Л.В. Указ соч. С. 178.
- ²⁹ Определение А.И. Солженицына в указанной выше статье в сборнике 1974 г. «Из-под глыб».

**P.A. STOLYPIN – RUSSIAN STATESMAN
(THE IMPORTANCE OF THE SPIRIT OF NATIONALITY IN POLITICS)**

© 2021 V.N. Shulgin

Kaliningrad Branch of the Academy of Geopolitical Problems

The author disputes the assessments of P.A. Stolypin by a number of authors, based on the erroneous methodology of the “class approach”. He proposes a view, which is traditional for Russian thought, and considers the mission of the reformer as complex, aimed at a nationwide “Russian revival”, in which the agrarian reform was only one of the means of the necessary “National revival”. P.A. Stolypin knew quite like Pushkin that the Empire needed correction the pro-Western “Petersburg deviation” from the spirit of nationality by the legitimate supreme power, but not its revolutionary destruction.

Key words: Russian revival, sobornost (collectivism), protection of statehood, traditionalism, zemshchina (local government rights), national policy, legitimacy of supreme Christian power.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-4-15-22